

ТАТЬЯНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ЦИВЬЯН: ЮБИЛЕЙНОЕ

Татьяну Владимировну Цивьян не нужно представлять читателям научного альманаха «Традиционная культура». Всемирно известный филолог и культуролог, специалист по балканистике, балтистике и славистике почти во всех своих публикациях (а их около 500), докладах и выступлениях в той или иной форме обращается к народной традиции.

Т. В. Цивьян начинала исследовательскую деятельность под руководством В. Н. Топорова как «чистый» лингвист, сосредоточивший свои усилия на изучении синтаксиса балканских языков. Однако очень быстро в работах Татьяны Владимировны наметилось расширение языковедческой проблематики, в немалой степени именно благодаря знакомству с фольклорными и обрядовыми текстами и традиционной культурой народов Балкан. Так, соединение лингвистической проблематики с общекультурной постепенно привело Т. В. Цивьян к разработке и детализации теории лингвистической модели мира. Сначала эта теория была опробована преимущественно в рамках балканского языкового союза (монография «Лингвистические основы балканской модели мира» (М., 1990) выдержала несколько переизданий и стала классикой не только для русских, но и для зарубежных исследователей), а затем применена к славянской и балтийской традициям. Балкано-балто-славика заняла прочное место в научном творчестве Татьяны Владимировны, хотя балканские сюжеты остаются в центре внима-

ния ученого. И это не случайно — ведь, по удачному выражению Т. М. Николаевой в ее статье к предыдущему, «круглому» юбилею Т. В. Цивьян, в балканских исследованиях всегда просматривается будущее (Николаева Т. М. Татьяна Владимировна Цивьян — балканист // Балканские чтения 9. М., 2007. С. 9).

Множество обстоятельств способствовало тому, чтобы Т. В. Цивьян через грамматику увидела тексты — тексты в широком, «топоровском» смысле: словесные, визуальные и музыкальные, через тексты — и весь мир во множестве его преломлений и кодовых воплощений, а от балканистики перешла к индоевропеистике. Среди этих факторов отметим, прежде всего, сотрудничество, коллегиальную работу и дружеские отношения на протяжении почти 50 лет в Отделе типологии и сравнительного языкознания (который нередко и неслучайно по ошибке называют Отделом семиотики или Отделом структурной типологии) с В. Н. Топоровым, Вяч. Вс. Ивановым, Т. М. Николаевой, А. А. Зализняком, Т. М. Судник, Т. Н. Свешниковой, Л. Г. Невской и др. Новой творческой энергии уже позднее, в конце 90-х гг. прошлого века, потребовала и работа в Институте мировой культуры при МГУ им. М. В. Ломоносова.

И, конечно, среди этих обстоятельств нельзя не назвать обращение к семиотике — практически с первых конференций Тартуской семиотической школы под руководством Ю. М. Лотмана Татьяна Владимировна их активная участница. Семиотические взгляды на объект исследования оказались исключительно близкими Т. В. Цивьян, почти во всех работах она следует именно

этим постулатам (подробнее об этом см. в книге «Из работ Московского семиотического круга». М., 1997). Не только тартуские, но и другие «немосковские» научные связи — с коллегами из Ленинграда/Петербурга, Калининграда, балканских, славянских и других стран Европы, а также США стали для Татьяны Владимировны определенными вехами в научной жизни и открыли новые тематические перспективы. Вообще для Т. В. Цивьян сотрудничество — это дружба, а дружба — это сотрудничество, и «компания» для нее всегда мощный стимул для обращения к новым темам.

На расширение и углубление теоретических разысканий Т. В. Цивьян оказал влияние сам материал — и прежде всего фантастически богатая балканская традиция. И хотя «эмпирия» вызывала у семиотиков возражения и не считалась первоосновой для научных построений, именно языковые, культурные и особенно фольклорные данные, как кажется, побудили Татьяну Владимировну обращаться к темам, которые затем встраивались в общую концепцию модели мира. Будь то пастушество, растения, албанские родильные обряды, греческий концепт острова, балканские баллады («Миорица», «Хасанагиница» и др.), сказка о Колобке или что-то иное, Т. В. Цивьян всегда видит в них основное, глубинное, то, что конструирует мир: категории времени и пространства, путь и движение, цвет и свет, зрение и слух, мужское и женское и др. Кроме того, в материале народных традиций исследовательница «улавливает» архаическую мифологию — и прежде всего отражение основного мифа о Громовержце и символику мирового древа. Это видение «эмпирии» приводит Татьяну Владимировну в последние годы к новому направлению, «мерцающей мифологии», которое оказывается очень продуктивным при изучении авторской поэзии и прозы, живописи, мозаики (в частности, работ македонского мозаичиста Газанфера Байрама), музыки.

Но главное в широте академических достижений Т. В. Цивьян — это ее характер, личность, особый склад ума, своеобразное, поэтическое восприятие

мира и отношение к культуре и науке. Основной вопрос для Т. В. Цивьян — «Почему?». Исследователи народной культуры знают, что нередко на этот вопрос ответ найти очень сложно, иногда даже невозможно, в силу парадоксальности, амбивалентности и противоречивости самих этнографических или фольклорных фактов. Задаваясь этим вопросом в рассуждениях о явных противоречиях в мифологическом программировании повседневной жизни (на материале румынского корпуса запретов и предписаний), Татьяна Владимировна переходит к общему выводу: «Структурное изучение фольклора, широко развернувшееся в последнее время на материале разных жанров, позволило увидеть в них нечто общее, а именно: что они обучают носителя не только конкретному материалу, но и основам мышления, логическим операциям утверждения, отрицания, сравнения, отождествления и т. д. В каком-то смысле можно говорить, что этому фольклор обучил и исследователей, сумевших взглянуть на него, отвлекаясь от прагматики содержания» (Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. С. 130). Мы позволили себе эту обширную цитату, 185

чтобы еще раз обратить внимание и на мысль Татьяны Владимировны, и на форму ее изложения: ведь *стиль* — это то, что особенно ценит и над чем всегда тщательно работает исследовательница. Представляется, что не только идеи, выстраивание мотивов, логика работы над темой, но и особый фирменный «цивьяновский» стиль повлиял на многих ученых-филологов и культурологов. Этот стиль характеризуется научной четкостью, но при этом и особой поэтичностью; умение не только верно, но и очень красиво формулировать свои мысли — важная черта научного творчества Т. В. Цивьян. Добавим к этому и богатое воображение, «фантазии», как их именует сама Татьяна Владимировна, когда она задумывает конференцию, круглый стол или сборник. Заметим, что всегда за «красивым» названием в этих собраниях и изданиях есть научная интрига, провоцирующая на новый поворот в разработке даже традиционных тем. В задумывании, а потом проведении конференций и публикации сборников Т. В. Цивьян применяет свои знания и заявляет о новых замыслах. Так, «Балканские чтения» (за последние 20 лет организовано 12 конференций в этой серии) и круглый столы в Институте славяноведения, конференции в МГУ, международные симпозиумы в разных странах мира всегда обращены к новым темам, отличаются необычной постановкой проблем, которая очерчивают перспективу дальнейшего их изучения.

Татьяна Владимировна очень требовательна к своим коллегам, ученикам, к авторам, чьи тексты она редактирует или просто читает перед их публикацией. Многим довелось познакомиться с «цивьяновским» научным принципом и взять его на вооружение: если в тексте есть фраза «Как хорошо известно...», какой смысл вообще обращаться к данному сюжету? Именно этим принципом руководствуется Т. В. Цивьян в своих научных изысканиях, постоянно обращаясь к новым темам, которые преподаются в наши дни не только факты архаической традиции, но и виртуальная культура Интернета.

В. В. ВИНОГРАДОВ

ПУТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ:

ФЕНОМЕН И ПРОЦЕСС

К юбилею

Виктора Аркадьевича Лапина

Биография ученого подразумевает движение, которое может осуществляться только при наличии принципов, «опорных точек». На их основе и существует творческая личность, складывается ее неповторимая индивидуальность. Такой опорной точкой для юбиляра стал Российский институт истории искусств — славный Зубовский институт в доме пять на Исаакиевской площади. В 1970 г. Виктор Аркадьевич был принят сюда стажером в научно-исследовательский отдел Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (как тогда именовался институт). В 1976 г. В. А. Лапин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, а в 1999 г. — и на степень доктора.

С пребыванием В. А. Лапина во главе института связано возвращение этому старейшему искусствоведческому научно-исследовательскому учреждению самостоятельного статуса и «исторического» имени — Институт истории искусств (1991).

Научная деятельность В. А. Лапина полна экспедиционных поисков и находок, важных кабинетных исследований, эдиционной деятельности.

В предисловии к сборнику «Сто русских народных песен» [Сто песен 1970]¹, ставшему знаковым в отечественной музыкальной фольклористике 1970-х гг., читаем: «Маршрут трех наших экспедиций (лето 1962—1964 гг.) проходил по югу бывшей Олонецкой губернии — Лодейнопольскому и Подпорожскому районам Ленинградской области... Мы двигались вверх по те-

¹ Современный взгляд на данный сборник см. в рецензии на переиздание: [Якубовская 2009].